

БУДДИЙСКИЕ ИДЕИ И ОБРАЗЫ В ПОЭЗИИ К. Д. БАЛЬМОНТА

(На материале цикла «Индийские травы»)

Русский символизм во многом определил и «окрасил» Серебряный век русской литературы. На наш взгляд, наиболее показательным в этом отношении представляется творчество поэта-символиста Константина Дмитриевича Бальмонта. Его интерес к Востоку нельзя обозначить какими-либо рамками: биографическими, эстетическими, мировоззренческими и т.д. Несмотря на то, что увлечение поэта Востоком не привело к созданию строгой «ориентальной» концепции, тем не менее «восточные мотивы» и образный строй прочно «обосновались» в поэтике Бальмонта, что делает его творчество яркой «страницей» в русской литературе Серебряного века.

В этом отношении особое внимание привлекает цикл стихотворений Бальмонта «Индийские травы» (1899). Цикл «Индийские травы» состоит из восьми стихотворений. Первые четыре стихотворения цикла («Майя», «Круговорот», «Индийский мотив», «Жизнь») проанализированы в статье «Индийский восток в творчестве К. Д. Бальмонта (на материале цикла «Индийские травы»)» (3). Настоящая статья посвящена анализу последних четырех стихотворений из цикла «Индийские травы» — «Как паук в себе рождает паутину», «Из упанишад», «Индийский мудрец», «Молитва вечерняя».

В пятом стихотворении, анализируемого цикла, под названием «Как паук в себе рождает паутину», возникает метафора художника-создателя, сравнимого с высшей силой. Для этого творца в процессе личного переживания созидания (Как паук в себе рождает паутину / И, тяжелый, создает воздушность нитей <...> Как художник создает свою картину, / Закрепляя мимолетное событие) происходит слияние противоположных начал и достижение целостного взгляда на мир.

*Так из Вечного исходит мировое —
Многосложность и единство бытия.
Мир один, но в этом мире вечно двое:
Он, Недвижный, Он, нежаждущий — и я. (1, т. 1., с. 299)*

В стихотворении «Из упанишад», входящем в цикл «Индийские травы», ярко выражена идея всеобщего единства и взаимосвязи, пронизывающей мироздание благодаря созидательной силе Творца.

*Недвижно движет всем; далеко — близко;
Оно внутри вселенной навсегда.
И кто проникновенным взором взглянет
На существа как дышащие в нем,
И на него как Геня Вселенной,
Тогда поняв, что слита эта ткань,
Ни на кого не взглянет он с презреньем. (1, т. 1., с. 299)*

В седьмом стихотворении цикла «Индийские травы», озаглавленном «Индийский мудрец», происходит экспликация концепции «избранного» индивида, выступающего в роли креатора.

Начальные строки, используя традиционную аналогию с природными явлениями, свидетельствуют о завершении некоего эзотерического обряда «инициации». Это подразумевает, что субъект достиг трансцендентного уровня познания истины:

*Как золотистый плод, в осенний день дозревший,
На землю падает среди стеблей травы,
Так я, как бы глухой, слепой и онемевший,
Иду, не поднимая головы. (1, т. 1., с. 299)*

Маркеры «трансцендентного» проявляются через «глухоту», «слепоту» и «немоту». «Слепота» нередко служит эвфемизмом «летального исхода», ведь в мифах усопшие предстают с закрытыми очами. Это не диссонирует с прежними утверждениями. Вспомним, как в индуизме, близком Бальмонту, пик могущества («созидающий», по Бальмонту) рождается из «ослепительного озарения» в миг смерти, дарующей перерождение в ином облике — мудреца, равного творцу, поэту. Этот символ — «ключ» в художественном арсенале Бальмонта, открывающий многие двери:

*То Смерть-владычица была,
Она явилась на мгновенье,
Дала мне жизни откровенье
И прочь — до времени ушла.
И новый — лучший — день, алея,
Зажегся для меня во мгле.
И прикоснувшись к земле,
Я встал с могуществом Антея. (1, т. 1, «Воскресший», с. 124)*
Итак, «слепота» становится неким даром провидца, «альфой и омегой» его вдохновения:

*Чтоб воссоздать кристалл из влаги переменной,
Чтоб видеть мир, не поднимая везд. (1, т. 1., с. 300)*

«Тишина», воплощенная в образах «глухоты» и «онемения» – лишенное слуха и голоса, – становится главным рефреном в поэтическом мире Константина Бальмонта. Тишина в его интерпретации – это не просто отсутствие звука, а многогранное, противоречивое явление. Этот мотив исследован в трудах Куприяновского и Молчановой (4, с.81-83), а также в работе Т.С. Петровой «Мотив тишины в поэзии Бальмонта»(5). В рамках данного анализа, мы сфокусировались на ключевых аспектах, формирующих, по нашему мнению, практическую реализацию рассматриваемой концепции:

1) «Тишина» трактуется как перманентное состояние отсутствия активности, сопоставимое с прекращением существования, ничто (6, с. 61), либо с альтернативным модусом бытия, согласно нашей интерпретации. В данном контексте, концепция «тишины» находит выражение в таких категориях, как «немота», «беззвучие», «мертвенный покой». Реализация данного мотива предполагает переход от динамического состояния к статическому, от наличия к отсутствию:

Радость совершенства
Смешана с тоской.
Есть одно блаженство –
Мертвенный покой.(1, т. 1., «В этой жизни смутной», с. 69)
Лучистые звезды, горящие днем
Для тех, кто умеет во тьму опускаться,
Чтоб в царстве беззвучен полнее отдаться
Мечтам, озаренным небесным огнем(1, т. 1., «В безводном колодце», с.121)

2) В поэтическом восприятии Бальмонта «тишина» предстает как вселенское безмолвие, постижимое посредством внутреннего слуха, что обеспечивает связь с первоисточником бытия. В интерпретации поэта, тишина трансцендирует природное явление, становясь проявлением духовного откровения для лирического «я». Обретение свободы связано со способностью воспринимать «голос молчания». Подобное понимание тишины обусловлено влиянием древнеиндийских Упанишад и их теософской интерпретации Е.П. Блаватской на мировоззрение Бальмонта. включив в свою статью «Кальдероновская драма личности»(1903) значительную часть перевода «Голоса Молчания» Е.П. Блаватской, поэт продемонстрировал близость религиозно-философских воззрений Упанишад и символистской эстетики: согласно исследованию, постижение «Голоса Молчания» эквивалентно постижению «всемирного Я».

В письме с В. Брюсовым, К. Бальмонт акцентирует внимание на названии произведения «Голос Молчания», пытаясь доказать адресату превосходство индийской философии над греко-римской традицией. Достижение состояния «тишины» или «голоса молчания» представляет собой процесс возвращения к изначальному источнику. В статье «Кальдероновская драма личности» Бальмонт постулирует, что «Земная жизнь есть отпадение от светлого Первоисточника»(2, с. 40). Исходя из этого, реинтеграция с Первоисточником предполагает иную форму существования, поиски которой Бальмонт осуществляет посредством поэтического творчества. онцепция «тишины» как средства достижения «Голоса Молчания» на пути к Абсолюту (первоначальному идеалу) тесно связана с совокупностью символов, репрезентирующих трансцендентность. К этим образам относятся: «безграничные дали», «безбрежность», «бессмертность», «бесконечность», «беспредельность», «неземная вышина», «глубины пространства», «прозрачная полумгла», «просторы призрачного света», «вечность»:

И в душе не возникнет упрек,
Я постиг в мимолетном намеке,
Я услышал таинственный зов,
Бесконечность немых голосов.(1, т. 1., «Я когда-то был сыном Земли», с. 138)
Чем выше над землей,
Тем легче хлопья снега,
С прозрачной полумглой
Слилась немая нега.(1., т. 1., «Вершины», с. 308)
Кто слышал тайный ропот вечности,
Для того беззвучен мир земной, -
Чья душа коснулась бесконечности,
Тот навек проникся тишиной (1, т. 1., «Прости!», с. 162)
И утомительно мелькали
С полуослепшей высоты,
Из тьмы руин, из яркой дали,
Неговорящие цветы.(1, т. 1., «Среди камней», с. 223)

Идентификация указанных образов осуществляется на основе унифицированного критерия: полного отсутствия атрибутов, свойственных материальной действительности (отсутствие

пространственных границ, темпорального начала и завершения, вертикальной и горизонтальной ориентации, размерности, световых характеристик и временной протяженности).

В стихотворении «Индийский мудрец» персонаж, характеризующийся глухотой, слепотой и немотой, представляет собой фигуру творца, дистанцированного от эмпирической реальности и достигшего понимания «Голос Молчания»:

*Одно – в моих зрачках, одно – в замкнутом слухе;
Как бог изваянный, мой дух навек затих.
Ни громкий крик слона, ни блеск жуужающей мухи
Не возмутит недвижных черт моих. (1, т. 1., с. 300)*

Аналогичная концепция прослеживается и в других стихотворениях Бальмонта.

Я слышал о светлом герое,
Свободном от всяких желаний,
О нем, перешедшем поток.
В лучистом застыл он покое,
Покинув наш мир восклицаний
Для славы несозданных строк.
С бессмертной загадкой во взоре
Он высится где-то над нами,
В душе отразив небосвод (1, с. 1., «Светлый герой», с. 302)
С голубой высоты я на землю смотрю,
И безгласной мечтой я с душой говорю,
С той незримой Душой, что мерцает во мне
В те часы, как иду к неземной вышине. (1, т. 1., «Эдельвейс», с. 143)

В стихотворении Бальмонта «Индийский мудрец» лирический герой эксплицитно демонстрирует последовательность трансформации от индивида к демиургу. Этот процесс Бальмонт интерпретирует как этапы эмансипации индивидуального сознания от рутинного, тривиального существования. Конечной целью является интеграция сознания с высшей сущностью, Абсолютом, концепцией, занимающей центральное место в древнеиндийской философской системе йоги. В рамках индуистской доктрины йога структурирована в виде четырех последовательных стадий:

1. Приобретение подлинного знания, а именно осознание иллюзорной природы реальности (7, с. 483), является ключевым аспектом;
2. Развитие духовных и физических способностей с целью обретения контроля над ними и последующего освобождения от ограничений материального мира;
3. Культивирование глубокой привязанности и самоотверженности по отношению к Абсолюту, достигающей полного единения с ним, рассматривается как важная практика;
4. Осуществление общественно полезной деятельности без стремления к личной выгоде или использования результатов этой деятельности для собственного обогащения. В художественном переосмыслении йоги Бальмонтом наблюдается трансформация ряда концепций, что, по нашему мнению, играет ключевую роль в идентификации семантических основ его поэтического творчества:

1. **Сперва я, как мудрец, беседовал с веками** – слово «с веками» указывает на относительность, «иллюзорность» материальной категории времени.

2. **Потом свой дух вернул к первичной простоте** – «первичная простота» как изначальная целостность бытия, единство духа и тела.

3. **Потом, молчальником, я приобщился к Бrame** – // И утонул в бессмертной красоте.

В представленных строках, при формальном подражании восточным мотивам, актуализируются эстетические категории, характерные для символизма, постулирующего высшую миссию поэта в преданности идеалу «нетленной Красоты». Культ красоты, свойственный символизму, обнаруживает поразительное сходство с восточной концепцией красоты, свободной от моральных императивов, где красота сама по себе воплощает благо, радость, любовь и иные позитивные аспекты бытия. Лейтмотив эмансипации земного существования и стремление к грёзам (отождествляемых с творчеством), к трансцендентным сферам, к беспредельности, к красоте, которая является синонимом Вечности и Абсолюта, представляет собой устойчивую доминанту в поэтическом творчестве Бальмонта-символиста:

Мой друг, есть радость и любовь,
Есть все, что будет вновь и вновь,
Хотя в других сердцах, не в наших.
Но, милый брат, и я и ты –
Мы только грёзы Красоты,
Мы только капли в вечных чашах
Неотцветающих цветов
Непогибающих садов. (1, т. 1., с. 283)
Ты мечтой полусонной уходишь за грань

Отдаленных небесных глубин.
Пробудись - и восстань, и воздушную ткань
Развернув, созерцай не один.
О, раскрой перед нами узоры мечты,
Загоревшейся в сердце твоём!
Покажи нам черты сверхземной красоты, –
Мы полюбим ее и поймем!(1, т. 1, «Избраннику», с. 282)

Финальное стихотворение цикла, под названием «Молитва вечерняя», акцентирует внимание читателя на акте преданности высшему идеалу. В данном произведении вновь актуализируется концепция «творца-служителя», сопровождаемая мотивами, характерными для поэзии Бальмонта:

*Кто, Неслышимый, услышит
Каждый ропот бытия,
Только Тот бессмертьем дышит,
В нераздельно-слитом я.<...>
Тот, кто близко и далеко,
Перед Кем вся жизнь твоя
Точно радуга потока, –
Только Тот есть вечно –Я.(1, т. 1, с. 300) <...>
Все, что – здесь, проходит мимо,
Словно тень от облаков.
Но очам незримым – зрима
Неподвижность вечных снов,(1, т. 1, с. 301)*

Таким образом, Своеобразие бальмонтовского прочтения восточных мотивов заключается в акцентировании не столько созерцательности и отрешенности, сколько активного творческого начала. Художник, стремящийся к вершинам духа, уподобляется восходящему на гору, преодолевающему препятствия и преобразующему мир своим искусством. Сон, слепота и немота предстают не как проклятие, а как необходимое условие для обретения истинного видения и голоса, способного выразить скрытые смыслы бытия. Тишина становится не пустотой, а пространством, наполненным потенциальной энергией творчества. Таким образом, «Индийские травы» являют собой не просто экзотическую стилизацию, но глубокое размышление о природе творчества и роли художника в мире, выраженное в сложных символических образах и мотивах, пронизывающих весь цикл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальмонт К.Д. Собрание сочинений в 7 тт. Москва: Книжный Клуб Книговек, 2010, т. 1. 504 с.
2. Бальмонт К.Д. Горные вершины: Сборник статей / К.Д. Бальмонт. Москва: Гриф, 1904, 210 с.
3. Мустафазаде-Асадова Г. М. Индийский восток в творчестве К. Д. Бальмонта (на материале цикла «Индийские травы») / Вак, 2024, N 3 (126), с.
4. Куприяновский П.В. Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба / П.В. Куприяновский, Н.А. Молчанова. Иваново: 2001, 470 с.
5. Петрова Т.С. Мотив тишины в поэзии Бальмонта // Русский язык в школе. 1995, №5, с. 68-73.
6. Бердяев Н.А. Азиатская и европейская душа // Судьба России. Москва: Советский писатель, 1990. С. 56-61.
7. Сухачев Н.Л. Комментарии к Элиаде // Азиатская алхимия. Москва, 1998. с. 558-597.

Ключевые слова: Индийский Восток, Бальмонт, цикл, мотив, образ, идея, буддизм

Keywords: Indian East, Balmont, cycle, motif, image, idea, Buddhism.

РЕЗЮМЕ

Настоящая статья посвящена исследованию буддийских идей, мотивов, образов и выявлению их особенностей в поэтике, а также выявлению контуров развития ориентальной темы в творчестве К. Д. Бальмонта. обратимся непосредственно стихотворному циклу «Индийские травы», состоящей из восьми стихотворений «Майя», «Круговорот», «Индийский мотив», «Жизнь», «Как паук в себе рождает паутину», «Из упанишад», «Индийский мудрец», «Молитва вечерняя».

Учитывая широкий спектр мотивного пространства и образной системы цикла «Индийские травы», мы построим анализ на рассмотрении специфики образов и мотивов последних четырех (первые четыре стихотворения стали объектом наших предыдущих научных изысканий) стихотворений цикла через парадигму мотивов и образов, реализующихся в контексте творчества поэта.

BUDDHIST IDEAS AND IMAGES IN K. D. BALMONT'S POETRY

(Based on the material of the cycle "Indian herbs")

SUMMARY

This article is devoted to the study of Buddhist ideas, motives, images and the identification of their features in poetics, as well as the appearance of the contours of the development of oriental themes in Balmont's work.

Let us turn directly to the poetry cycle "Indian Traditions", consisting of eight poems "Maya", "Cycle", "Indian motif", "Life", "How a spider gives birth to a web", "From the Upanishads", "Indian Sage", "Evening Prayer". Taking into account the wide range of the motif space and the figurative system of the Indian Herbs cycle, we will analyze the specifics of the images and motifs of the last four (the first four poems were the object of our previous scientific research) poems of the cycle through the paradigm of motifs and images realized in the context of the poet's work.

Рецензент: доц. Якубова М. А.